

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АНТРОПОЛОГИИ ПАЦИФИКИ

Юрий Викторович ЛАТУШКО,

научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

E-mail: latushko@mail.ru

В статье рассматривается ряд исследовательских проблем антропологии Тихого океана, даётся краткая оценка состояния мировой и отечественной океанистики, а также перспектива организации подобных исследований на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: Тихий океан, антропология, эволюция, кросс-культурные исследования, мир-системный подход, сравнительная лингвистика, фольклористика, археология.

Problems and Perspectives of Anthropology of the Pacific

Yu.V. Latushko, a researcher, Center of Political Anthropology, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

The article discusses a number of research problems of Pacific Anthropology. A brief assessment of global and domestic Pacific studies and the perspectives of organizing similar studies in the Far East of Russia are given. The author proposes to consider the regional cultural evolution in antiquity and modernity in the relationship, using the theoretical knowledge gained in foreign and domestic Pacific studies while conducting anthropological research on local materials of the Far East.

Key words: the Pacific Ocean, anthropology, evolution, diffusion, cross-cultural studies, the world-system approach, comparative linguistics, folklore, archaeology.

Около 140 лет назад наш соотечественник Н.Н. Миклухо-Маклай открыл для мировой науки общества папуасов Новой Гвинеи, что среди прочего привело к формированию такого научного направления, как океанистика. Не только Меланезия, но и другие субрегионы Океании были известны в России задолго до этого благодаря коллекциям из Южных морей, переданным начальником Камчатки премьер-майором М.К. Бемом в Петербург в 1779 г. Майор получил их в дар от англичан — членов команды «Резолюшн» и «Дискавери». Среди прочего там был и дневник покойного Дж. Кука, так что весть о его кончине и часть имущества великого мореплавателя достигли Лондона из Петербурга. Оставшиеся в России предметы материальной культуры заложили основу музейных коллекций [1]. В советское время отечественная океанистика была связана в основном с именами учёных ленинградской школы. Несмотря на то что советская океанистика занимала более скромное место в мире, чем американская или британская, регион изучался не только в кабинетной

тиши, но и в полевых условиях. Стали классическими работы Н.А. Бутинова по социальной организации папуасов [2] и полинезийцев [3], труды ученицы блистательного Юрия Кнорозова, И.К. Фёдоровой, по кохау-ронго-ронго (письменность о-ва Пасхи) [4] и др.

Сегодня российская океанистика не представляет собой чего-то целостного, хотя имя Миклухо-Маклая есть в названии Московского академического института антропологии, а учёных такого масштаба нет. Исследования по социальной антропологии, сравнительной лингвистике и фольклористике Океании ведутся в Москве, Петербурге и Владивостоке, но всё это «творческие интересы» отдельных учёных. Некоторые российские учёные предпринимают полевые исследования, но за собственные деньги или как члены иностранных научных организаций. Национальной школы более не существует. Это, однако, не означает, что исследования в данной области не нужны или не перспективны. Мировая океанистика очень часто оказывалась на передовом крае антропологической науки и помогала решать фундаментальные задачи в смежных направлениях. Сегодня океанистика может и должна быть вписана в более широкий исследовательский контекст и преодолеть собственный партикуляризм.

Под антропологией Пацифики обычно понимают океанистику, которая включает в территориальном плане изучение трёх регионов — Меланезии, Микронезии и Полинезии. Такой подход узок, и давно существует иное видение общих культурных связей во всём пространстве Тихого океана. В 1986 г. была опубликована переводная книга австралийского антрополога Питера Беллвуда «Покорение человеком Тихого океана» [5]. Автор, известный австралийский археолог, специалист по древней истории Тихого океана, рассматривал вопросы археологии, истории, материальной культуры народов Юго-Восточной Азии, уделяя особое внимание истории заселения и освоения человеком островов Океании. В своём исследовании учёный опирался на новейшие на тот момент (1979 г.) данные археологии, антропологии, этнографии, лингвистики. Его подлинно антропологический подход оказался незаменимым, ибо позволял посредством кросс-культурных исследований выдвигать и решать нетривиальные проблемы.

В условиях глобализации и постепенного перемещения центра современной мир-системы (термин И. Валлерстайна) из Атлантики в Тихий океан, который начинает играть ту же коммуникативную, информационную, ресурсообменную роль, что когда-то выполняло Средиземное море, вокруг которого сформировался кластер цивилизаций, локальных мир-систем древности и средневековья в Европе и Передней Азии. Причиной стало объективное движение — увеличение демографического и экономического потенциала региона, когда количество переходит в качество. Древняя Пацифика представляется нам «бессвязной разнородностью» обществ, разных по происхождению населения, культуре, масштабу и уровню развития — от древних конфуцианской цивилизации и цивилизации доколумбовой Америки через протоцивилизации

Юго-Восточной Азии к не достигшим такого уровня изолированным общностям разного порядка — от сравнительно эгалитарных насельников циркумполярной и экваториальной зон до иерархических обществ вождеского уровня тропической и умеренной зон. Можно вычленил несколько типологически сходных образований с древнейших времён. Их типологическое сходство основывается на ряде объективных критериев: социальном формате (отношение численности, плотности населения к ресурсной базе), качестве и количестве ресурсов и энергии, используемых человеком, и связанными с этим технологиями. Данная ситуация на уровне модели среднего (субрегионального) уровня хорошо проработана в западной антропологии на примере Океании. Большинство учёных справедливо считают Океанию уникальным полигоном, где культурная история демонстрирует удивительную гибкость адаптивных стратегий [6, 15]. В основе ныне классических типологий М. Салинза [16] и И. Голдмана [17] лежат такие параметры, как открытость/закрытость общества, избыток/нехватка ресурсов, высокая/низкая конкуренция за социальный статус, и др. Естественные географические препятствия в виде горных систем, огромных водных масс замедляли и автономизировали развитие целых регионов. С другой стороны, данный статус всегда был подвижен ввиду развития хозяйства, в первую очередь транспортных технологий. Пока отметим, что «островными» культурами можно признать любое изолированное периферийное общество, например, многие коренные народы Северо-Восточной Азии, Северной Америки, части Океании ввиду этого по нашей терминологии будут суть островными. У изолятов много общих черт адаптации в силу относительной закрытости системы, с этой точки зрения, мы можем сравнивать периферийные общества разных климатических зон, а также увидим, что при столкновении «островных» обществ с более высокоорганизованными и открытыми системами могут возникать схожие проблемы аккультурации, например, тонганский и нивхский алкоголизм, гавайский и рюкюсский культурный сепаратизм в основе имеют много общего — от биохимии, обуславливающей ферментацию и усвоение алкоголя, до социальных явлений, обусловивших новую культуру потребления спиртных напитков, от крушения существовавшей политической традиции до способов ассимиляции и последовавшей депопуляции.

При изучении древней истории региона необходимо иметь в виду, что периферийность социума среди прочего основывается на степени доступа к информационному «мейнстриму». Человечество многим обязано технологиям фиксации и передачи информации — от несовершенных прообразов письменности (например, узелкового письма), выросших из мнемонических приёмов фиксации культовой, хозяйственной и иной информации до иероглифической и алфавитной письменности. На Западе Тихого океана в древности и средневековье пользовались иероглифической, правда, в средние века из Индии в Юго-Восточную Азию проникало консонантно-слоговое письмо (деванагари). Каждой письменной традиции свойственны свой референтный текст, графема, на основе которых

формируется высокая (большая) традиция. По этой причине можно легко проследить становление и развитие конфуцианской цивилизации, вплоть до обособления периферийных систем с принятием алфавитного способа письма Кореей и Вьетнамом. На западе Тихого океана она долгое время была мейнстримом, на востоке в доколумбовой Америке лучше других нам известна письменность майя, которую по привычке мы называем иероглифической, хотя она ещё и слоговая. Здесь также находим референтный текст — знаменитые кодексы майя, записанные на литературном языке чольти. Возможно, чольти играл роль лингва-франка в указанном регионе, равно как и вэньянь со всеми его региональными вариациями — японским камбуном, корейским ханмуном, вьетнамским ханваном (со временем превратившиеся в национальные системы — кандзи, ханчча, тьы ном) до перехода Китая на байхуа или латынь — становления национальных европейских языков. Литературная традиция создаёт прочный каркас, обеспечивающий единство восприятия цивилизации. Понятно, что бесписьменные культуры не были исключены из сферы культурной диффузии, просто она не имеет такого линейного и зримого характера, а в распоряжении учёных есть лишь ограниченное число источников. Бесписьменные культуры средневековой Передней и Центральной Азии «говорят» по-арабски, Юго-Восточная Азия — по-китайски, а Океания до прихода европейцев безмолвствует. Но даже имеющиеся письменные источники ушедших эпох, включая Новое время, позволяют создавать лишь «этическую» картину (в категориях К. Пайка). Низовая культура коммуницирует на уровне малой традиции — культурных изопрагм, реконструировать которые помогают данные археологии, сравнительной лингвистики и фольклористики. В рамках советской этнографической школы хорошо разработан концепт историко-этнографических областей, в терминах которого решалась машинерия подобной передачи [7]. Однако основной упор делался на сравнение черт материальной культуры, что не совсем правильно, так как она не исчерпывает весь человеческий опыт.

Издержки данного подхода состоят в более или менее сознательном игнорировании сложности диффузных процессов. Отметим, кстати, что сегодня на наших глазах происходит второе рождение «неодиффузионизма», он настолько же не похож на классический диффузионизм, как эволюционизм на неэволюционизм. Прорыв начался с исследований в области сравнительной лингвистики и фольклористики. Среди отечественных учёных, которые занимаются разработкой этих проблем применительно к Пацифике, можно отметить Ю.Е. Берёзкина [8], В.И. Беликова [9], А.И. Давлетшина [6], А.В. Козьмина [10] и др. Главное отличие — отрицание линейной диффузии, смещение акцентов с прямого заимствования готовых форм в пользу изучения характера мемной репликации со всеми её техническими ошибками копирования (термин «мем», введённый в оборот в 1976 г. английским биологом Р. Докинзом, означает дискретные черты культуры по аналогии с геной репликацией), а также системность.

Сегодня никто не ищет прямых аналогий по совпадению одной или нескольких изолированных черт культуры, как это делал Грэфтон Элиот-Смит, который считал, что Новый Свет и Океанию некогда населяли древние египтяне, так как в Мезоамерике и на островах Тонга есть пирамиды.

Анализ мифологических мотивов позволяет глубже проникнуть в историю культурных контактов, оценить миграционные процессы в древности и объяснить современную культурную специфику. Например, все специалисты знают, что вьетнамское общество долгое время испытывало китайское влияние, однако оценить степень влияния австронезийского субстрата сложнее. Археологи фиксируют наличие неолитической культурной традиции лапита в широком ареале от Юго-Восточной Азии до Западной Полинезии [5], но как было устроено общество лапитцев и какое отношение к нему имели протовьеты? Для решения этой проблемы можно обратиться к анализу репликации мифологических мотивов и кросскультурным исследованиям форм социальной организации австронезийцев.

Территория Вьетнама издревле была местом интенсивных контактов сино-тибетцев и австронезийцев, во многих обществах последних обнаруживаются матрилатеральность, билатеральность, либо даже амбилатеральность счёта родства (в отличие от билатеральности, когда счёт родства идёт по обеим — мужской и женской линиям, амбилатеральность предполагает возможность выбора счёта индивидом), сравнительно высокое положение женщин в обществе. Так, во вьетнамском фольклоре времён Дайвьета в период правления династии Поздних Ли (с рубежа XI в.), когда были преодолены центробежные тенденции предыдущего дайковьетского этапа с его раздробленностью, оформляется канон женщины-воительницы [11]. В это время на фоне борьбы с сунским Китаем заново переосмысливается борьба с Китаем ханьским и династией У периода троецарствия, особенно героизируется восстание под предводительством сестёр Чынг (39 г.). Типичная женщина-воительница раскрывается в таком персонаже, как Чьеу Тхи Чинь. Её образ имеет массу реминисценций и отсылки к образу женщины-прародительницы Ау Ко, которая во вьетнамском фольклоре повелевает огнём. Данная роль, безусловно, не случайна. Этот пример хорошо показывает, как сино-тибетское влияние (северное) напластовывалось на австронезийский субстрат (южный). Не случайно, что Ау Ко проживала на юге, где австронезийское влияние будет нарастать. Отметим, что у большинства австронезийцев мифологическая ипостась женщины — огонь (например, у гавайцев богиня вулканов Пеле — самое почитаемое и свирепое божество). Так в мифологии осмысливается среда обитания. Вдоль побережья Юго-Восточной Азии проходит тихоокеанский вулканический пояс «циркумтихоокеанский ремень», уходящий на юго-восток до Новой Зеландии и на северо-восток через Камчатку, Северную Америку до Огненной земли в Южной Америке.

Взаимодействие условных северной и южной компонент приводило к своеобразию социального устройства вьетов. Во Вьетнаме традиционно были крепки семейные ценности, так что очень рано возникла неполитическая иерархия: клан-семья-персона (в Китае — семья-клан-персона), которая обуславливала удивительную стойкость вьетнамцев в периоды острых кризисов (в первую очередь войн) в условиях крушения легальной политической системы. Это во многом объясняет удивительные возрождения, которые переживал Вьетнам после всевозможных завоеваний, включая XX век. Многие историки недооценивают того факта, что принципы самоорганизации общества, особенно на низовых уровнях, зависят не только от ВВП на душу населения или других экономических показателей, но и от традиционной политической культуры и других внеэкономических факторов, хорошо понятных антропологу.

Состоящие из трёх частей вьетнамские имена отражают данную реальность. Второе имя рассматривалось как вспомогательное, набор вторых имён был большим для мальчиков ввиду формирования патронимий в ходе китаизации вьетов. Второй составной частью фамилии является родовой или половой указатель, для женщин — тхи. Часто женские имена могли вовсе не содержать второго имени (следствие бытовавшей некогда, как и у большинства австронезийцев, матронимии). В подтверждение приведём пример родственной вьетам народности хрэ (тачём), проживающей на юге Вьетнама. Их язык мон-кхмерской группы близок языкам банар и седанг. У хрэ сохраняются пережитки большой семьи. До рождения ребёнка бытует амбилокальное поселение, затем — неолокальное. Допускаются сорорат и левират, существуют обычаи избегания. Счёт родства в основном билатеральный, запрещаются браки между родственниками до пятого поколения. Под влиянием вьетов местами распространён патрилинейный счёт родства [18]. Можно предположить, что у протовьетов счёт родства был также билатеральным. Билатеральность — верный указатель особого статуса женщины в обществе, у народов островной Юго-Восточной Азии и Океании женщины нередко становились правительницами и королевами [12, с. 16].

Не меньшую ценность представляет сравнение мифологических мотивов при реконструкции древних миграций. Отмечу теоретические положения, блестяще сформулированные Ю.Е. Берёзкиным [8]. Проведённый им факторный анализ ареального распространения фольклорно-мифологических мотивов свидетельствует о характере контактов между Старым и Новым Светом и этапах заселения Америки. Мифологии североамериканских и южноамериканских индейцев очень не похожи. При движении вдоль азиатской береговой линии Тихого океана от Берингии на юг — до Японии, Микронезии и далее доля «амазонских» мотивов в местной традиции будет расти по следующим прибрежным кластерам: чукчи — коряки — нивхи — ительмены — айну — японцы — рюкюсцы — трукцы и т.д. Пик тенденции придёт на Меланезию. Таким образом, можно говорить о близком субстратном соответствии ввиду

общих тенденций раннего расселения у амазонских индейцев и меланезийцев, а также ранних культурных связей всех прибрежных народов по обоим берегам Тихого океана.

Океанистика была и остаётся важным теоретическим полигоном для апробации многих антропологических теорий. Это теория уровней социальной эволюции, включая концепт вождества у неозволюционистов [19]; исследования ранних форм политической организации со школой раннего государства [20]; мирсистемный анализ в части апробации идей развития региональных мини-систем [21]; апробация глоттохронологического метода и построения синтетических лингвистических и археологических моделей [22], этноархеология [23], теория дарообмена и престижной экономики [13, 15], этнопедагогика [14] и др.

Понимание общности и специфики процессов развития тихоокеанских обществ позволит вывести на новый уровень исследования коренных народов Дальнего Востока России и сопредельных как ближайших, так и отдалённых регионов. Периферийное положение большого числа тихоокеанских обществ позволяет сравнивать механизмы и способы аккультурации и трансформации традиционного уклада жизни в ходе процессов вестернизации и модернизации.

Для проведения подобных исследований на российском Дальнем Востоке необходимо вывести на качественно новый уровень антропологию как комплексную дисциплину (в части сбора и анализа полевых материалов, расширения географического и методологического охвата), в первую очередь развитие подлинных кросс-культурных исследований, при которых местные материалы будут рассматриваться с более общего контекста. Для преодоления разрыва с современным уровнем исследований необходимым, но недостаточным условием является привлечение к работе специалистов со знанием региональных языков — от сино-тибетских и тунгусо-маньчжурских до австронезийских и юто-ацтекских; также важно стимулировать исследования в области сравнительной фольклористики и лингвистики. Частичным решением проблемы на первом этапе может стать так называемый «аутсорсинг» — привлечение ведущих специалистов России и зарубежья к совместным проектам, что в свою очередь будет способствовать подготовке местных кадров и повышению их квалификации. Такая работа может быть взаимовыгодной, ибо ведущими этнологами и археологами Института истории собраны ценные полевые материалы по древним и современным обществам и культурам Северо-Восточной Азии. В институте есть молодые специалисты, занимающиеся изучением тихоокеанских обществ (этнической историей рюкюсцев — Ж.М. Баженова, социальной организацией полинезийцев — Ю.В. Латушко и др.). Это задел на будущее и потенциальная возможность сформировать на российском Дальнем Востоке один из отечественных центров изучения тихоокеанских культур. Интеграция исследований возможна по линии взаимодействия как археологов и этнологов, так и востоковедов, например при рассмотрении традиционной политической культуры стран АТР, проблем развития коренных культур, межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова Л.А. Куковская коллекция Петербургской кунсткамеры: проблемы источниковедения и атрибуции. М. : Наука, 2005. 308 с.
2. Бутинов Н.А. Народы Папуа Новой Гвинеи (от племенного строя к независимому государству). СПб. : Петербург. востоковедение, 2000. 384 с.
3. Бутинов Н.А. Социальная организация полинезийцев. М. : Наука, 1986. 222 с.
4. Фёдорова И.К. Мифы, предания и легенды острова Пасхи. М. : Наука, 1978. 382 с.
5. Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана. М. : Наука, 1986. 552 с.
6. Давлетшин А.И. Мориори — охотники на морского зверя и линную птицу в Полинезии: опыт изучения адаптивной вариативности в культуре // Тихоокеанская Россия и страны АТР в изменяющемся мире : сб. ст. / отв. ред. Ю.В. Латушко, И.В. Ставров. Владивосток : Дальнаука, 2009. С. 353—364.
7. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1985. 272 с.
8. Берёзкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку : Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М. : ОГИ, 2007. 360 с.
9. Беликов В.И. Что даёт классификация языков Восточной Полинезии? // Ойкумена. 2009. № 2. С. 41—51.
10. Козьмин А.В. Изгнание божества на Таити // Ойкумена. 2009. № 2. С. 52—55.
11. Мифы и предания Вьетнама / пер. с вьетнам. и ханваня Е.Ю. Кнорозовой. СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. 208 с.
12. Латушко Ю.В. Страницы истории «штата алоха» // Великобритания и США в XIX—XX веках: политика, дипломатия, историография: сб. ст. / отв. ред. К.Т. Тихий. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2009. С. 3—19.
13. Салинз М. Экономика каменного века. М. : ОГИ, 1999. 296 с.
14. Мид М. Культура и мир детства : избр. произведения / ред., сост. и авт. послесловия И.С. Кон. М. : Наука, 1988. 429 с.
15. Earle T.K. Bronze Age economics : the beginnings of political economies. Cambridge MA : Westview Press, 2002. 452 p.
16. Sahlins M.D. Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958. 306 p.
17. Goldman I. Ancient Polynesian Society. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 612 p.
18. Dang N.V. The Ethnic Minorities in Vietnam, Hanoi. : Foreign languages publishing house, 1984. P. 112—118.
19. Service E.R. Origins of the State and Civilization. New York : Norton, 1975. 475 p.
20. The Early State: Models and Reality / Claessen, H.J.M., Skalnik, P. (eds.) The Hague: Mouton, 1978. 641 p.
21. Chase-Dunn C. and Ermolaeva E. The Ancient Hawaiian World-System. [Электронный ресурс] : Research Questions // Working paper. № 4. URL: <http://www.irows.ucr.edu/> (дата обращения: 15.03.2011).
22. Green R. Linguistic subgrouping within Polynesia : the implications for prehistoric settlement // Journal of Polynesian society. 1966. Vol. 75. P. 6—38.
23. Kirch P.V., Sahlins M.D. Anahulu : The Anthropology of History in the Kingdom of Hawaii. Chicago : University of Chicago Press, 1992. 552 p.